

1925.

Ленинградский протоиерей Н. “Кончина и погребение Святейшего Патриарха Тихона”

“В вере, и надежде, и любви, и кротости, и чистоте, и в священническом достоинстве благочестно пожил еси, приснопамятне...”

(Тропарь последования погребения священников, глас 2)

Весть о кончине Святейшего Патриарха Тихона была получена в Ленинграде в среду 26 марта — 8 апреля 1925 г. Господу угодно было подвергнуть Русскую Церковь новому испытанию. Известия подтвердились. Сомнения быть не могло. Душа невольно рвалась туда, в Москву, где на отдаленной окраине города, в древнем монастыре, почивает во гробе великий Начальник Церкви, Святейший Патриарх Московский и всея России.

Господь судил и пишущему эти строки, с благословения православных епископов Ленинграда, побывать в Москве в наступившие исторические дни, поклониться праху почившего Первосвятителя и облобызать неподвижно лежащую руку страдальца за веру православную, Церковь Российскую.

Дальнейшие строки — есть только выписки из дневника о впечатлениях этой поездки на погребение Святейшего, которыми я хотел бы поделиться со своими духовными детьми. Позднее к этому были присоединены рассказы и других побывавших в Москве лиц, которым и приношу здесь мою искреннюю благодарность, прежде всего Его Преосвященству, Преосвященному Владыке Венедикту [Плотникову], его благожелательному вниманию и сердечному участию, от которого я получил сведения о последних минутах жизни и блаженной кончине Святейшего Патриарха и более подробное и полное воспроизведение речей, сказанных при его гробе.

Г. Москва.

Суббота, 29 марта (11 апреля) 1925 г.

Уже на вокзале чувствовалось, что в Москве творится что-то необычайное. Извозчики наперерыв предлагают довезти к Донскому. Народ массами стремится к трамваю, особенно осаждают N 11, “Б” и др., идущие по направлению к Калужской площади и к Донскому монастырю. В трамвае часто слышатся разговоры о Святейшем. Чем ближе подходит трамвай к Калужской площади, тем все заметнее движение народа по одному направлению; сначала, точно маленькие ручейки, текут по отдаленным концам Москвы, и чем ближе к Донскому, тем они все больше и больше увеличиваются, становятся шире и полноводнее. На Калужскую площадь уже из всех улиц вливается широкой волной людской поток и, как в водовороте, повернувшись на площади, сплошной массой устремляется в Донскую улицу. Более счастливые, т.е. сидящие в трамвае N 11, едут до Донского проезда. Здесь новая картина. Сажень в 20 от трамвая начинается длиннейшая, растянувшаяся версты на полторы очередь желающих поклониться гробу Святейшего. Стоя по четыре человека в ряд, эта очередь тянется к воротам монастыря, идет через обширный мона-

стырский двор до большого (летнего) собора. Здесь она разделяется на две половины: с двух сторон подходят ко гробу Святейшего, по два человека с каждой стороны; прикладываются и выходят из северных дверей во двор. Поклонение почившему во гробе Первосвятителю началось в среду и без перерыва продолжается день и ночь, не прекращаясь во время богослужений. Кто может сосчитать, сколько прошло народа в эти дни. Говорили, что в одну минуту проходили по 100—120 человек, т. е. 160—170 тысяч в сутки. То медленнее, то быстрее движется очередь; целуют крест, Евангелие и одежды Святейшего и, как выражаются газеты, “вежливо, но быстро выпроваживаются дальше”, чтобы освободить место новым поклонникам. Духовенство пропускают вне очереди, через северные двери (очередь идет через западные). Около дверей собора и по аллее расположились продавцы с карточками Святейшего и его сотрудников. Особенное впечатление производит снимок — Святейший на смертном одре. “Прекрасный добротою, паче всех человек, бездыханен во гроб полагается”.

Я не скажу, чтобы первою мыслью была забота о судьбе Российской Церкви, кормчий которой, опытный и мудрый, которому все верили, которого любили все верные и на которого с таким ожесточением напали враги, навеки закрыл свои очи, так ласково смотревшие на всякого обращавшегося к нему, сомкнул уста, умевшие тепло сказать слово утешения, так твердо и авторитетно — слово правды и так неподражаемо остроумно обмолвиться шуткою, иногда настолько загадочно-глубокой, что не все сразу понимали, что хочет сказать этот ласково улыбающийся старец. Нет, прежде всего, перед умственным взором встал сам этот величавый старец, именно как человек, как живая обаятельная личность.

Не напрасно носил он титул Святейшего. Это был действительно Патриарх, Отец отцов. Год тому назад я видел Святейшего, окруженного более чем 20 епископами, среди которых были не только молодые, но и люди почтенного возраста, как митрополит Петр [Полянский], Серафим [Александров] и др. Казалось, я вижу доброго-доброго старика отца, окруженного родными детьми, живущими в разных городах нашей обширной Родины и съехавшимися на его именины. Каждый имеет свои заботы, свои огорчения, печать которых еще лежит на их задумчивых лицах. Но вот появляется Отец — ласково треплет по плечу одного, обнимает другого, улыбается третьему, скажет ласковое слово четвертому, и заметно, как разглаживаются скорбные морщины на старческом лице седого, угрюмого архиепископа, повеселело на сердце у молодого vikария, просветлело лицо старика митрополита, восторженно смотрит в глаза старика-Патриарха молодой ученый епископ. И теперь этого Отца не стало... Осиротели епископы, осиротело духовенство, сиротой стал православный русский народ, вдовой Русская Православная Церковь.

На ступеньках лестницы и при самом входе в собор стояло несколько человек распорядителей, о чем свидетельствовали черные повязки с белым крестом на рукаве, наблюдавших за порядком и не впускавших никого, кроме священнослужителей. Из собора непрерывным потоком шли уже поклонившиеся почившему Патриарху. Небольшой храм полон народа, и только от западных и северных дверей до гроба оставлен свободный проход. Служил панихиду Преосвященный Прокопий [Титов], с сонмом духовенства. Я остановился около гроба и склонил колена.

Дубовый гроб стоял на возвышении, посредине собора. Патриаршая мантия покрывала его. Лик Патриарха закрыт воздухом, в руках крест и Евангелие. Руки также закрыты. Тропические растения виселись вокруг гроба, и оставались свободными только проходы с обеих сторон, по которым непрерывным потоком шли двумя бесконечными лентами желающие приложиться. Около гроба, у возглавия стояли два иподиакона с рипидами; дальше по два иподиакона с каждой стороны

гроба, пропускавшие народ; рядом с ними, у ног Святейшего, по бокам аналая, на котором сиротливо высился патриарший куколь, еще два иподиакона, из коих один держал патриарший крест, другой патриарший посох. У возглавицы, около цветов, было несколько венков с надписями, один из коих от архиепископа Кентерберийского.

Народ прикладывается к кресту и Евангелию и целует одежду Святейшего. Сделав земной поклон, и я наклонился над гробом Святейшего, просил открыть руку Патриарха. Стоявший рядом иподиакон исполнил мою просьбу, и я припал к благословлявшей и меня когда-то, но теперь лежащей неподвижно руке Святейшего. Рука была мягкая, теплая. Не желая задерживать народ, я отошел от гроба к амбону и стал молиться.

После панихиды я вошел в алтарь. Архимандрит Нил сообщил мне, что Пресвященный Венедикт [Плотников] находится здесь с четверга, что на литургию завтра назначено 12 архиереев и 24 священника, среди которых один наш, ленинградский протоиерей Н. Пашкевич, что едва ли будет возможно какое-либо изменение утвержденного церемониала, так что обедню мне разрешат служить только где-либо в другом месте, облачение же, как приезжому, будет выдано. И далее рассказал порядок богослужений на завтрашний день. Духовенство, не участвующее в служении литургии, собирается в теплом храме, облачается и к 12 часам приходит в летний собор и занимает места вокруг гроба.

На стенке в алтаре было помещено "Расписание служб при гробе Святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России", в котором значилось:

Пятница

10 ч.	литургия	— Епископ Прокопий [Титов].
5 ч.	панихида	— Стефан [Гнедовский ?].
6 ч.	— " —	— Иннокентий [Летяев ?].
6 ч.	— " —	— Гавриил [Красновский ?].

Суббота

10 ч.	литургия	— Иоасаф [Удалов ?].
5 ч.	панихида	— Борис [Рукин].
6 ч.	всенощная	— митрополиты: Петр [Полянский], Сергий [Страгородский], Тихон [Оболенский], Серафим [Александров], епископы: Николай [?], Борис [Рукин], Сергей [Зверев ?], Прокопий [Титов].

Могила приготавлилась в теплом храме, около стены, на южной стороне. В соборе не было никого, кроме рабочих, так как вход был закрыт, дабы не мешать рабочим. Меня, как священнослужителя, пропустили беспрепятственно. Везде, во всех мелочах, видна была разумная распорядительность, и такое внимание к духовенству, вообще не избалованному на этот счет, конечно, было внушено распорядителями. Нужно отдать им справедливость, распоряжались они умело и толково. Глубина могилы не более двух аршин; пол ее был уже выложен камнем, и рабочие укладывали стены.

Я ушел в отдаленный конец монастырского кладбища, чтобы наедине, среди могил, несколько прийти в себя и разобраться в этих, так быстро нахлынувших впечатлениях. Во весь свой богатырский (физически и духовно) рост вставал почивший Первосвятитель. От личных воспоминаний я перешел к общецерковной деятельности почившего. После падения самодержавия Святейший Патриарх Тихон вступил на Патриарший Престол, вдовствовавший более 200 лет, не ожидая для себя ничего, кроме тернового венца, но он шел на этот подвиг, так как туда звал сго Христос, так как этого требовало благо Церкви. Отбросив всякие мирские

соображения, всю “мирскую мудрость”, он руководился только верою во Христа Иисуса и пламеня любовью Христовою, он видел только измученных и нравственно и физически людей, часто растерявших даже веру, и во всех, от мала до велика, прозревал живые души. Для него было все равно — кто перед ним: бывший генерал, бывший дворянин, крестьянин или рабочий. Ни в старое, ни в новое время, ни до, ни после революции — он не был заражен модною болезнью — различать людей по их социальному положению: он видел во всех образ Божий и любил и жалел их. Вот чем объясняется его безграничная ласка к людям. Если билось в них верующее сердце, душа, ищущая Бога, — он принимал всех, как отец блудных сынов, и заколал для них тельца упитанного, хотя знал и видел, что недовольство известных кругов против него растет. Но он не обращал на это внимания и делал дело Божие. Когда же окружавшие его, как ученики Господни в саду Гефсиманском, испугались приведенной Иудой-предателем сперы и разбежались, он остался один, но ни минуты не поколебался ответить: “Да, я — Святейший Патриарх Московский и всея России”. Это было не только красиво, это была великая победа духа, победа веры. Вся Русь дрогнула, и началось великое собрание церковных сил, возвращение к соборности.

Около 5 часов я отправился в собор. Постепенно начало собираться духовенство. Пришли: ленинградский протоиерей Н. Пашкевич, протоиерей Рождественский, Киевского подворья иеромонах Никон, затем Преосвященный Борис [Рукин], епископ Можайский, епископ Трифон [Туркестанов]. Епископ Борис [Рукин] благословил облачаться, и мы вышли на панихиду. Больно в сердце отзывались слова служащих: “О упокоении раба Божия, Великого Господина и Отца нашего Святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России”.

После панихиды я уже не выходил из собора, так как народу прибывало все больше и больше и вернуться обратно было бы затруднительно. В алтаре собралось духовенство. Сначала потянулись московские батюшки, а затем почти сразу пришли монашествующие Донского монастыря и иподиаконы, затем снова духовенство, с разных концов Москвы; наконец, один за другим начали прибывать епископы.

Преосвященный Борис [Рукин] отдал последние распоряжения. На правой стороне алтаря появился белый клобук — это митрополит Серафим [Александров] Тверской; рядом с ним митрополит Сергей [Страгородский], без клобука. Прибыл и наш владыка Преосвященный Венедикт [Плотников] Кронштадский. Согласно данному мне епископом Николаем Сестрорецким разрешению, я просил благословения Владыки на участие в служении. Наконец прибыл Патриарший Местоблюститель Высокопреосвященный Петр [Полянский] митрополит Крутицкий. Владыка Местоблюститель благословил меня принять участие в служении всенощного бдения и отпевания, а литургию совершать в церкви св. Саввы Освященного. Всенощное бдение совершалось праздничное — Входа Господня во Иерусалим (Вербное Воскресение). Служил архимандрит Владимир с протодиаконом Холмогоровым. На литию выходил митрополит Сергей [Страгородский]. После литии им было сказано теплое слово о почившем Патриархе.

“Что привело сюда такое множество народа? — говорил Владыка — Какое-либо торжество, или празднество, или, может быть, любопытное зрелище? Нет, не любопытство, не получение удовольствия, а смерть Отца. Нас привлек сюда этот гроб, в котором почивает Великий Господин и Отец наш — Святейший Тихон, Патриарх Московский и всея России.

¹ Церковь Саввы Освященного сохранялась от Саввинского митрополичьего монастыря (XV—XVII вв.). Выстроена в 1592 г. Храм разрушен в 30-е гг.

Его святительская деятельность и до избрания в Патриархи никогда не сопровождалась внешним блеском. Его личность не была заметна. Казалось, что он не имел никаких особенных дарований, которыми мог бы блистать. Как будто даже ничего не делал. Не делал, но его деятельность всегда была плодотворна по своим результатам; не делал... но при нем какой-то маленький приход превратился в Американскую Православную Церковь. То же было и в Литве, и в Ярославле, где последовательно служил Святейший в сане архиепископа. То же повторилось и в Москве. Казалось, что он ничего не делал, но тот факт, что вы собрались здесь, православные, есть дело рук Святейшего. Он на себе одном нес всю тяжесть Церкви в последние годы. Им мы живем, движемся и существуем как православные люди. По своему характеру почивший святитель отличался величайшей благожелательностью, незлобностью и добротой. Он всегда одинаково был верен себе: и на школьной скамье, и на пастырской и архипастырской ниве, вплоть до занятия Патриаршего Престола.

Он имел особенную широту взгляда, способен был понимать каждого и всех простить. А мы, очень часто, его не понимали, очень много и еще больше огорчали своим непониманием, непослушанием, отступничеством.

Один он безбоязненно шел прямым путем служения Христу и Его Церкви.

За что любил его православный русский народ? Каким образом у почившего созрели такие высокие, редкие добродетели?

Любил православный народ своего Патриарха потому, что он возрастил эти богатые добродетели на почве церковной при благодатной помощи Божией. "Свет Христов просвещает всех", говорит слово Божие, и этот свет Христов был тем светочем, который путеводил почившего, во время его земной жизни.

Будем надеяться, что за высокие качества милосердия, снисходительности и ласки к людям Господь будет милостив к нему, предстоящему теперь перед Престолом Всевышнего.

Не точно, не буквально, отрывочно я записал эту речь, но на этой бледной записи видна основная мысль митрополита Сергия, и мне кажется, что это лучшая характеристика Святейшего, какую я слышал за эти дни. На полиелей выходили, если не ошибаюсь, около 20 архиереев, в том числе митрополиты: Петр [Полянский], Сергей [Страгородский], Серафим [Александров], Тихон [Оболенский] и другие епископы, указанные в расписании. К ним присоединились епископы: Венедикт [Плотников] и многие другие. Священников было более 60—70 человек.

Истово совершается богослужение. Превосходно поет хор певчих Чеснокова, Астафьева и др. А толпы народа бесконечною вереницею идут ко гробу Святейшего, молятся, прикладываются и уступают место другим, все новым и новым поклонникам. Только когда митрополит Петр [Полянский] совершал каждение после величания, на время остановился людской поток, а после чтения Евангелия вновь пошел, чтобы не прекращаться всю ночь.

Всенощная окончилась в 11 часов, и начались панихиды и чтения Евангелия, продолжавшиеся всю ночь до литургии.

Владыка Венедикт [Плотников], живший в Москве с четверга, рассказывал мне многое, что я, правда, уже слышал от разных лиц, но теперь это было собрано воедино. Кроме того, Владыка поведал мне и свои личные впечатления.

Святейший умер в ночь со вторника на среду. Во вторник было Благовещение, но Святейший не служил, так как чувствовал себя плохо. Литургию в последний раз Святейший совершил в воскресенье, в храме Большого Вознесения на Никитской улице. В понедельник он был намерен служить всенощную в храме на Тверской, а во вторник, в Благовещение, — литургию у Богоявления в Елохове.

Вследствие болезни зубов у Святейшего была произведена операция, но не все было благополучно, так как появилась опухоль и Святейший чувствовал себя не в

состоянии служить, как говорили: “Послал свою мантию митрополиту Петру [Полянскому]”, давая тем знать, чтобы последний отслужил за него в названных храмах. Опухоль опала, и Святейший чувствовал себя лучше.

Святейший все время находился в лечебнице Бакуниной, на Остоженке, откуда довольно часто выезжал служить.

Одни говорили, что 25 марта (7 апреля) днем Святейший чувствовал себя лучше и даже занимался делами, читал письма и бумаги и писал резолюции; другие, наоборот, утверждали, что Святейший уже с воскресенья не мог не только писать, но и читать и почти без сознания лежал в постели.

Как бы то ни было, часов около 10 вечера Святейший потребовал умыться и, с необычайной для него строгостью, “серьезным тоном”, к которому я не привык, — рассказывал его келейник (Константин Пашкевич), — сказал: “Теперь я усну... крепко и надолго. Ночь будет длинная, темная-темная”. Несколько времени он лежал спокойно, потом сказал келейнику: “Подвяжи мне челюсть”, — и настойчиво повторил это несколько раз. “Челюсть подвяжи мне, она мне мешает”. Келейник смутился и не знал, что делать. “Святейший бредит, — сказал он сестре, — просит подвязать челюсть”.

Та подошла к Святейшему и, слыша от него такую же просьбу, сказала: “Вам тяжело будет дышать, Ваше Святейшество”. “Ах, так... Ну хорошо, не надо”, — ответил Святейший. Затем немного уснул. Проснувшись, он подозвал келейника и сказал: “Пригласи доктора”.

Сейчас же было послано за доктором Щелканом, а до его прибытия пришли врачи лечебницы. Пришедший Щелкан стал на колени у постели Святейшего, взял его за руку и спросил: “Ну, как здоровье? Как Вы себя чувствуете?” Святейший не ответил. Щелкан держал руку Святейшего; замирающий пульс говорил ему, что здесь совершается таинство смерти. Он обвел глазами присутствующих врачей, в знак того, что жизнь угасает, надежда на благополучный исход иссякла.

Минута проходила за минутой. Святейший лежал с закрытыми глазами. После маленького забытья Святейший открыл глаза и спросил: “Который час?” — “Без четверти двенадцать”.

“Ну, слава Богу”, — сказал Святейший, точно только этого часа он и ждал, и стал креститься.

“Слава Тебе, Господи!” — сказал он и перекрестился.

“Слава Тебе, Господи!” — повторил он и снова перекрестился.

“Слава Тебе, Господи!” — сказал он и занес руку для третьего крестного знамени [я]...

Патриарх всея России, новый священномученик за веру православную и Русскую Церковь, тихо отошел ко Господу.

В среду, 26 марта ст.ст. в 5 час. утра, когда вся Москва еще спала, в карете скорой помощи, тихо и незаметно Патриарх всея России из лечебницы Бакуниных был перевезен в Донской монастырь. Останки почившего сопровождали: Высокопреосвященный митрополит Петр [Полянский], епископ Борис [Рукин].

Много дум вызывает эта смерть и сопровождавшие ее обстоятельства.

Верно слово Спасителя нашего: “Аще Мене изгнаша и вас изженут, аще слово Мое соблюдоша и ваше соблюдут; но сия вся творят вам за имя Мое” (Ин. 15, 20—21).

И в судьбах Церкви, как и отдельных Ее представителей, повторяется история земной жизни Господа нашего. Наш дорогой Святейший страдал за всех. Но как Христос был распят по требованию первосвященников и книжников, так и Святейший Патриарх больше всего страдал и пострадал от своих доморожденных первосвященников, фарисеев и саддукеев. Так и на Святейшем Патриархе Тихоне исполнилось предсказание пророка (Исаии): “Он взял на Себя наши немощи и понес наши болезни... Все мы блуждали, как овцы, совратились каждый на свою

дорогу, и Господь возложил на Него грехи всех нас. Он истязуем был, но страдал добровольно и не открывал уст Своих... и как овца веден был Он на заклание... Ему назначали гроб со злодеями, но Он погребен у Богатого, потому что не сделал греха, и не было лжи в устах Его" (Ис. 53, 4—9).

Из патриаршей келии, куда сначала было доставлено тело почившего, на носилках Святейший торжественно был перенесен в собор, в сопровождении сонма духовенства, во главе с Преосвященным Борисом [Рукиным], епископом Можайским, и облачен в патриаршее облачение золотое, с темно-зеленой бархатной оторочкой, шитой золотом и образами. Присутствовавшие архиереи руками Святейшего благословили народ, точно сам почивший Патриарх, отходя в лучший мир, простался со своею паствою, в последний раз благословляя ее.

Вербное воскресение.
30 марта (12 апреля) 1925 г.

В половине шестого утра я совершил раннюю литургию в церкви Саввы Освященного, в сослужении священников: отца Дмитрия Крючкова и отца Александра Гумановского. Поминали, как и всюду в Москве: "Господина нашего, места патриаршего блюстителя Высокопреосвященнейшего Петра [Полянского] митрополита Крутицкого", и за упокой — "Новопреставленного раба Божия Великого Господина и отца нашего Святейшего Тихона, Московского и всея России Патриарха".

После литургии совершили торжественную панихиду и, в половине девятого, отправились в Донской монастырь. Так начался праздник Входа Господня в Иерусалим — день погребения Святейшего Патриарха Тихона.

Первая же пересадка (с N 17 на "Б") у Смоленского рынка показала, что мы можем опоздать не только к обедне (до обедни оставалось еще полтора часа), но и к отпеванию: весь Смоленский рынок был переполнен народом, стремившимся в Донской. Это не была кучка благочестивых старушек, нет, это был весь целиком русский народ, вся Москва, представители всех слоев населения не только Москвы, но и прилегающих сел, деревень и городов. Интеллигенция, по обычаю, молчала и пряталась, а простые верующие совершенно определенно и громко спрашивали билеты "до Донского" или говорили прямо: "к Святейшему", вполне справедливо предполагая, что кондуктор должен знать, куда дать билет.

Видя такую громадную толпу, мы не мало смутились: трудно, пожалуй, даже невозможно, будет попасть в трамвай. Но, к моему величайшему удивлению, толпа зашевелилась; раздались голоса: "Батюшки пришли, пропустите батюшек". Минувя всех, мы прошли к самой остановке. Подошел вагон, переполненный до последней степени. Я не решался даже вступить на подножку, но меня толкали сзади: "Входите, батюшка!" Идти было некуда, но народ втолкнул меня, а бывшие в трамвае поддержали и пропустили вперед. Мы с отцом Александром вошли в первый вагон, а отца Дмитрия народ втолкнул во второй. Такого отношения к священникам я не видел, особенно за последние годы, и понял, что причиной такой перемены была исключительно смерть Святейшего. Правда, были попытки ослабить впечатление, но они тонули в общей массе сочувствия и почитания и вызывали спокойную и вескую отповедь. "Вот сколько Святейший Тихон собрал народу", — слышался чей-то голос. "При чем тут Тихон? — пробует возразить кто-то. — Просто, кому куда надо, — тот туда и едет". "Нет, брат, — говорят в другом месте, — и слепой видит, куда народ стремится. Эй, дядя, куда едешь?" — "В Донской, к Святейшему, — отвечает мужик, — нарочно из деревни приехали".

Трамваи не вмещают народа, желающего попасть в Донской, и многие идут пешком. Много площадей, улиц и переулков мелькало мимо окон вагона, и везде одна и та же картина: на остановках густая толпа ожидающих, по обеим сторонам улиц — сплошная стена пешеходов, и чем ближе к Калужской площади, тем все больше и больше росли эти волны народные. На Калужской творилось что-то необыкновенное: из всех улиц прибывали все новые и новые толпы, образовался какой-то водоворот из людей, трамваев, экипажей и, окружась по площади, шумным потоком устремлялся в Донскую улицу. Мы вышли из трамвая. Подхватили нас эти волны и понесли по тому же направлению. Вся Донская улица была запружена народом, оставался только узкий проход, по которому бесконечной лентой тянулись извозчики и изредка автомобиль.

Весь двор монастыря был уже полон народом. Мы пробрались от ворот к собору. Здесь нас остановил батюшка в эпитрахили (один из распорядителей) и сказал: "Вот и хорошо, что вы сюда пришли, облачайтесь, сейчас выйдет Пресвященный служить панихиду". Вышел епископ Афанасий [Сахаров], и началась панихида. Сначала из священников были только мы с о. Александром, затем подошел о. Димитрий, за ним потянулись другие, и к концу панихиды набралось человек 12. Вышел в облачении еще один архиерей и несколько диаконов. Пел весь народ.

Во время панихиды пришли какие-то трое мужчин и одна дама. Распорядитель их сначала остановил, так как они шли через северные двери, где пропускались только священнослужители, но, когда они предъявили какую-то бумагу, то их тотчас провели в собор. Это были, как говорили, представители Американской миссии. Насколько это правда, не знаю, да и не спрашивал. После панихиды мы отправились вслед за архиереями в собор. Храм был переполнен. Мы прошли в алтарь. Архиереи и священники, в белых облачениях, заняли его весь. Служили литургию 12 архиереев и 24 священника, заранее назначенные. Между ними были митрополиты: Петр [Полянский], Сергей [Страгородский], Серафим [Александров], Тихон [Оболенский], епископ Борис [Рукин] и др.; архимандриты: Нил, Владимир, Георгий (из Данилова монастыря), протоиерей Н. Пашкевич из Ленинграда.

Ввиду тесноты в алтаре, которая грозила еще увеличиться, когда из теплого собора придет еще духовенство, было решено поставить священников у гроба Святейшего, и священники, не участвовавшие в служении литургии, вышли из алтаря. К ним присоединились пришедшие из теплого собора, и духовенство встало вокруг гроба и архиерейской кафедры в три ряда, заняв всю середину собора. С обеих сторон гроба были оставлены совершенно свободные проходы, но прикладываться уже не пускали, и народ только проходил мимо, издали смотрел на почившего в гробе Первосвятителя. Этот поток не прекращался вплоть до отпевания и отчасти во время отпевания.

Шла литургия. Задушевно пел соединенный хор певчих. Благоговейная тишина царил в храме. "Отче наш..." Митрополит Петр [Полянский] благословил народ. Закрылись царские врата. Причастный стих. На амвон вышел профессор-протоиерей Илья Громогласов.

"Радуйтесь всегда о Господе и еще раз говорю: радуйтесь" (Флп. 4, 4), — начал он свою речь. — Эти слова для многих могут показаться странными: здесь гроб, люди пришли оплакать своего Великого Господина и Отца, Святейшего Патриарха Тихона, и время ли призывать к радости сугубой. Можно ли тут радоваться, когда великая скорбь теснит наши сердца. По-человечески это так законно, и было бы неестественно, было бы чудовишно, если бы ее не было. Да, но я, несмотря на это, я все-таки повторяю: "Радуйтесь всегда о Господе и еще говорю: радуйтесь". Если это говорит Апостол, если Святая Церковь предлагает нам в этот день такое наставление, то я не дерзну даже мыслить, вопреки

призыву Церкви, изменить это наставление Апостола. Как же мы можем радоваться при гробе Святейшего Отца нашего и Патриарха?" И далее профессор-проповедник указал основания для этой радости:

1. Воскресение Христа, Который есть Начаток умерших.

2. Постоянное пребывание Христа в Церкви. "Аз с вами есмь, во вся дни, до скончания века". Мы лишились нашего Отца и Патриарха, но Христос вечно пребывает в Своей Церкви и Сам спасет Ее. Сам посылает делателей на жатву Свою. За судьбу Церкви нам бояться нечего.

3. Личная печаль о Великом Господине и отце нашем Святейшем Тихоне умирается нашей верой, что упокоит Господь верного служителя Своего в селениях праведных. За загробную участь Святейшего Отца нашего Патриарха Тихона мы не беспокоимся. Мы верим и знаем, что он, как непостыдный делатель Церкви, будет стоять пред престолом Всевышнего и ходатайствовать "воздыханием неизглаголанным" о Церкви Русской, ангелом которой был здесь среди нас. И мы верим, что Господь смилуется над Русской Православной Церковью, по молитвам Святейшего Отца нашего Патриарха Тихона.

"Со страхом Божиим и верою приступите", — возглашает протодиакон. Литургия окончилась. Духовенство, в белых облачениях, выходит из алтаря. Первым идет Патриарший Местоблюститель митрополит Петр, за ним, по два в ряд, митрополиты, архиепископы, епископы, архимандриты, протоиереи... Кафедра архиерейская небольшая, на ней поместилось только 12 архиереев, а остальные потянулись по обеим сторонам гроба, до самых царских врат. Всех епископов было 62, священников прибавился еще один ряд, так что духовенство заняло всю середину собора, почти от самых западных дверей до царских врат.

Митрополит Петр вышел на амвон, сказал короткое, но прочувствованное слово.

"Я не могу говорить, — объяснил он, — слезы душат меня". Он говорил:

"Кого мы хороним? Кто предлежит нам? Кому собрались отдать мы последний долг?.. Мы хороним своего Отца Святейшего Патриарха Тихона.

Трудна была его жизнь. Тяжелый жребий выпал на долю его править Русскую Церковь в такое бурное время. Но он уже отошел ко Господу. Труды и подвиги его закончились. Он предстоит уже Престолу Божию, а за все время дальнейшего управления Русской Церковью ответ падет теперь на мои слабые плечи. Осиротели мы. Не стало у нас печальника и молитвенника, который для молодых был отцом, для взрослых мудрым наставником и руководителем, а для всех вообще другом. Его обаятельная ласка простиралась и на меня, его ближайшего сотрудника.

Помолись же, Отец наш, за нас осиротелых. Помолись за паству твою, здесь собравшуюся, и за Церковь Российскую, столь тобою любимую, вечная память тебе, закатившееся солнышко Церкви Русской!!"

Начался чин отпевания. Руководил всем, как при отпевании, так и во время перенесения останков почившего, Преосвященный епископ Борис [Рукин].

У меня был требник, и потому я имел возможность не только слушать, но и читать все молитвы и песнопения. 17-ю кафизму читали по очереди архиерей, по несколько стихов каждый.

Каждение совершал Патриарший Местоблюститель митрополит Петр [Полянский].

Диаконы, один за другим, выходили для чтения Апостола.

Митрополиты читали Евангелие. Епископы — антифоны.

Это было удивительное чтение. Чуткий верующий человек за этим множеством архиереев, в различной манере чтения, интонации — видел единство, воодушевляющее всех в вере.

— Братие, — медленно и гулко, как церковный благовест, разносится под сводами собора бархатный протодиаконский бас, — не хочу вас не вести о умерших, да не скорбите...

— Рече Господь, — тихо раздается голос митрополита Петра, — веруяй Пославшему Мя имать живот вечный...

— Господь пасет мя, и ничтоже мя лишит, — читает очередной епископ псалом 22, по стихам.

— Аллилуиа, — звучит пение хора.

— Братие, — гремит густой, могучий голос другого протодиакона (М. Д. Михайлова), — тако же и благодать воцарится правдою в жизнь вечную Иисусом Христом Господом нашим.

— Рече Господь... — читает митрополит Сергей [Страгородский], — якоже бо Отец воскрешает мертвых и живит, тако и Сын, их же хочет живит...

— Коль возлюбленна селения Твоя, Господи сил... — слышу знакомый голос епископа Венедикта [Плотникова].

— Аллилуиа, — в ответ ему после каждого стиха раздается торжественное пение.

— Волною морскою, — начинает хор, слышатся звуки Великой Субботы, когда Божественный Мертвец поживает во гробе, и так отрадно слышать эти “песни исходящие Зиждителю” при гробе Святейшего. И среди звуков “песн[ей] надгробных Христу умершему” сначала как бы робко вплетаются, потом все сильнее и сильнее звучат иные звуки — не тоски и печали, а звуки торжества и победные гимны Светлого Воскресения, так и кажется, что вот-вот загремит слово златословного Вселенского Учителя: “Мертвый не един во гробе”.

Четыре тропаря каждой песни читаются по очереди четырьмя священниками.

После 6-й песни у гроба Святейшего стал новый проповедник, профессор-протоиерей В. Н. Страхов.

— “Отче, Отче, Колесница Израилева и конница Его”, — начал он, — так зывал некогда пророк Елисей возносящемуся на небо пророку Илии. Такими же словами, с горьким чувством беспредельной скорби, в этот день зываем ко Господу мы, миллионы верующего русского народа, лишившиеся своего Отца. Было ли это случайностью? Нет. В истории домостроительства Божия случайностей не бывает. Знает Господь, в какое время послать Аарона и Самуила и в какое священника Ездру.

Так знал Господь, когда поставить кормчим Церкви Христовой и почившего Первосвятителя Святейшего Патриарха Тихона.

Время управления твоего было слишком бурно. Корабль церковный бросало волнами, и он по временам накренился то слишком вправо, то слишком влево, и многие недоумевали: что же это значит? Дело объяснилось тем, что вся твоя церковная деятельность может быть охарактеризована одним словом “примирение”.

Как бы поступил на твоём месте другой, что-либо сказать трудно, но ты сумел провести корабль церковный и сохранить его от потопления. В этом несомненная и величайшая твоя заслуга.

Что будет дальше, после тебя, со Святой Церковью, сказать трудно, но я глубоко убежден, что Она, купленная не золотом и серебром, но драгоценною кровию Христа, не будет Им забыта.

Про себя же лично ты можешь сказать, вместе со святым апостолом Павлом: “Подвигом добрым подвизахся, течение скончах, веру соблюдох” (2 Тим. 4, 7).

И ты в своей жизни проявил и веру и любовь Христову. Поэтому мы твердо верим, что даст тебе Господь венец правды, какой Он обещал любящим Его.

Твоя личность была обаятельна и всегда цельна, одинакова, как на школьной скамье, среди товарищей, которые и тогда прозвали тебя Патриархом, так и во все последующее время.

С какой бы стороны будущий историк ни оценивал твою личность, ты всегда в его глазах будешь кристально чистым и нравственно светлым. На твоём имени нет ни единого пятнышка.

Помолимся же, возлюбленные братие, да упокоит со святыми Господь душу новопреставленного нашего Святейшего Отца и Патриарха”.

[Вариант: “Отче, Отче, Колесница Израиля и конница его”, — так воскликнул в смущении и печали пророк Елисей, когда увидел пророка Илию возносящимся на небо (4 Цар. 2, 12.).

Этот же скорбный и смущенный вопль вырвался из миллионов русских сердец, когда они узнали о смерти своего Патриарха. Да, Русская Церковь осиротела, осиротели и верующие... Православная Церковь лишилась своего вождя и своей опоры, вождя, который был силен не внешнею силой, а своим духовным авторитетом, которая состояла не во внешних средствах, а в моральной высоте и могучем обаянии его личности. Суд над ним произнесет история, деяния его запишет беспристрастный летописец. И да простит благостный Первосвятитель мое дерзновение, если я по любви к нему осмелюсь сейчас приподнять край исторической завесы. В небывало тяжелое время вошел покойный Первосвятитель на высоту Патриаршего Престола, и это не было случайностью, что в это время именно Патриархом Московским и Всероссийским оказался Патриарх Тихон.

Судьба возлюбленной Невесты Христовой Церкви Святой, коей он был Первосвятителем, никогда не может подлежать случаю. Кто стяжал Ее не серебром и золотом, а бесценною Кровию Своею, Тот не воздремлет, ниже уснет, храняй Ее. Как всеведущий, Он твердо знает, когда нужно послать в Первосвященники Ее Аарона, когда другого кого-либо из сынов пророческих и заранее Сам уготовляет избранных на дело служения пастырского. Еще на студенческой скамье почившего Первосвятителя в шутку называли “Патриархом” за его серьезность и величавость и спокойствие. Кто бы тогда мог подумать, что эта невинная шутка была отзвуком голосов иных и что она рано или поздно осуществится в действительности? Но она осуществилась, и митрополит Московский Тихон Всероссийским Поместным Собором после молитв к Богородице был избран в Патриарха Московского и всея Руси.

Мы не знаем, что сделали бы другие на этом посту кормчего Русской Церкви в такие трудные годы, но знаем и видим, что почивший Первосвятитель служил делу примирения. Надо было острее развернувшейся борьбы притупить, надо было найти общий язык, чтобы сохранить церковный корабль от потопления. Медленно шла эта серьезная работа, но она шла, и общий язык постепенно находили. Здесь требовалось много такта и мудрости, много терпения и проницательности, много любви к своему делу и желания мира. В этом подвиге служения примирению церковный корабль, руководимый почившим Патриархом, иногда наклонялся слишком налево или слишком направо. Люди церковно сознательные в недоумении разводили руками, готовы были осудить своего Патриарха, заподозрить его в неверности и гибельном уклоне. Но время проходило, корабль выпрямлялся и среди бурь шел величаво-спокойным ходом к цели Христовой.

Мы не знаем, на что были [бы] способны другие на этом посту, но мы знаем, что мудрость и любвеобильный такт Патриарха спасали положение.

Знаем мы и другое, как болело сердце Патриарха от распрей церковных. Знаем, на какие жертвы он шел, чтобы и отколовшихся чад собрать воедино. И многие иерархи и пастыри нашей Церкви вняли голосу любви своего Первосвятителя, на призыв своего Отца и Архипастыря: “Симон Ионин, любишь ли Мя” (Ин. 21, 15) — они ответили Петровым: “Ей, Отче, Ты знаешь, что мы любим Тебя”, — и покаянно облобызали рамена почившего. И дело церковного объединения шло своим порядком, к общей радости верующих чад Церкви.

Преждевременная смерть Патриарха не дала здесь проявиться желательным и ярким результатам, но важно и то, что самое дело намечено, вехи поставлены. Одно только считал почивший неизменным; в одном не допускал никаких компромиссов — это единство веры и соблюдение канонов церковных. Вот почему в развернувшейся расправе церковной православный русский народ без колебания пошел за своим Патриархом, потому что видел в нем знамя своей веры и своей церковности. И сейчас, в эти траурные дни, народ непрерывной толпой ночью и днем шел проститься со своим Патриархом и в последний раз облобызать его похолодевшую десницу. Народ любил Патриарха и верил ему. Надо дышать церковной стихией и жить в ней, чтобы понять эти чувства народные. Своим чутьем, своей интуицией народ понял, что значит для Церкви Русской Патриарх. Люди, чуждые церковной стихии, готовы видеть в этом порыве народном проявление нецерковных чаяний. Но они ошибаются, ибо народ церковный, скорбя о Патриархе, скорбит только о судьбе Церкви. Он скорбит о смерти своего мудрого кормчего и думает, кто теперь поведет его в небесное отечество, в тот город, строителем и художником которого является Бог. Патриарха народ любил и верил ему. Даже враги Патриарха признали, что это был нравственный, чистый человек и служитель Церкви безупречный.

Вот кого потеряла Русская Церковь: мудрого кормчего, любвеобильного пастыря, защитника веры и блюстителя канонов церковных. К нему поистине могут быть применены слова апостола: “Подвигом добрым подвизался, течение совершил, веру сохранил” (2 Тим. 4, 7).

Да, все это он сделал, и нам остается докончить слова апостола, чтобы и их применить к почившему: “Прочее убо соблюдается ми венец правды, его же воздаст ми Господь в день он, праведный Судия” (2 Тим. 4, 8).

Золотой кидар Первосвященника не помрачен на главе почившего. В мрачные дни печали, как и в светлые дни радости, являлась одна и та же вера, николиже сменяющаяся, и одна и та же любовь, николиже отпадающая.

Помолимся же, братие мои, об упокоении души усопшего Патриарха.

Молясь об упокоении его души, помолимся и за всю Русскую Церковь.

“Утверждение на Тя надеющихся, утверди, Господи, Церковь, юже стяжал еси Честною Твоею Кровию. Аминь.”]

— Со святыми упокой, Христе, — рыдает хор, — душу раба Твоего.

Слово было хорошо задумано и красиво сказано, но это не было то слово, которое все ждали, необходимость в котором чувствовалась. Неприятное впечатление на многих произвело указанное выше выражение: “При нем корабль церковный накренился то слишком вправо, то слишком влево”. Неприятное и обидное потому, что это явно наветное со стороны утверждение и, наконец, это же неправда. Кроме того, во всех похвалах Святейшему и не только в речи протоиерея В. Н. Страхова, не было самого главного: ни слова о любви, великой любви Святейшего и к Церкви, и к народу русскому, и к духовенству, и ко всем православным, и ко всем согрешающим.

— Неизреченное чудо... — повеяло вновь ароматом Страстей Христовых, и священники, один за другим, читают тропари канона.

Очередь подходит все ближе и ближе.

— О радости праведных... — читает стоящий рядом со мной московский протоиерей.

— Слава Отцу и Сыну и Святому Духу, — поют священнослужители.

И с трепетом я начинаю тропарь:

— Кто постоит, Христе, пришествия Твоего страшному прещению...

Благолепно, без торопливости совершался чин отпевания. Настроение было тихое, печальное, я бы сказал, даже унылое.

Все чувствовали, кого они теряли, но никто не решался сказать настоящее слово, которое, как плотину, прорвало бы эту печаль и указало путь накопившемуся чувству. Но этого слова не было, и все почти изнемогали. Чувствовалась усталость и тяжелый душевный гнет. Но вот “Приидите, последнее целование...” Началось прощание архиереев, а затем священников. “Зря же я безгласна и бездыханна предлежаща, восплачьте о мне, братие и други...”

Отпуст. Мощное: “Во блаженном успении... Великому Господину и Отцу нашему Святейшему Тихону, Московскому и всея России Патриарху...”

Слезы выступают на глазах, текут по векам, и никто их не стыдится, так естественны и понятны они при гробе Святейшего.

Наступило молчание, точно не решался никто первым подойти, чтобы поднять гроб Святейшего и нести на место последнего упокоения. И вдруг, среди этой мертвой тишины, раздались слова, кажется ничего особенного в себе не заключающие, но которые, по своей непосредственности и искренности, и дали выход общему чувству. Полили слезы, но это уже не были одинокие слезы отчаяния и безысходного горя, не только не облегчавшие душу, но еще более ее угнетавшие.

Нет, это были общенародные слезы, слезы умиления и утешения. Точно камень свалился с сердца, точно солнце проглянуло сквозь грозовые тучи и самой печали указало путь к радости и надежде.

Отвалилась тоска, люди почувствовали себя способными к деятельности и точно торопились на работу выйти для пользы Церкви Христовой, во славу Божию.

На амвон вышел Преосвященный Борис [Рукин], епископ Можайский. Он не говорил надгробное слово, но, как лицо, ответственное за порядок при погребении, сделал только, так сказать, административное распоряжение:

— Сегодня мы погребаем одиннадцатого Патриарха Всероссийского Тихона. На похороны его собралась почти вся Москва. И я обращаюсь к вам с просьбой, которая безусловно должна быть исполнена. Дело в том, что весь монастырский двор переполнен народом. Ворота закрыты, и в монастырь больше никого не пускают. Все прилегающие к монастырю улицы и площади запружены народом. Вся ответственность за соблюдение порядка лежит на мне. При таком скоплении народа малейшее нарушение дисциплины может вызвать катастрофу. Прошу, не омрачайте великого исторического момента, который мы с вами сейчас переживаем.

Первым отсюда выйдет духовенство, потом епископы вынесут гроб Святейшего. Пойдут только священнослужители в облачениях, все остальные останутся на местах. Никто не сойдет с места, пока вам не скажут. Вы должны это исполнить безусловно в память нашего Святейшего Отца и Патриарха. И я знаю, что вы это делаете и не омрачите ничем этих исторических минут.

Вспомните, как горячо, беззаветно любили вы его. И он вас также любил. Он отдал вам всю свою чистую душу. Каким победным, торжественным “Осанна” встречали вы его, нашего дорогого, любимого Святейшего. И знайте, — за что вас я больше всего люблю. За две тысячи лет со дня первого “Осанна” вы многому, многому научились. И в самые опасные и страшные моменты жизни Святейшего, когда, казалось, все должны его оставить, вы ни разу не прокричали ему страшного: “Распни!” И за одно это я вас так люблю, так вас благодарю и земно кланяюсь. Вы, мои дорогие, возлюбленная паства Святейшего, оказались на высоте. Вы достойны уважения и теперь напутствуйте дорогого Святейшего миром, окружите гроб его благоуханием молитвы вашей, проводите его благоговейно к месту его последнего упокоения. В этот день праздника нашего пропойте ему, вашему незабвенному Святейшему, последнее “Осанна”. Мы споем ему такое торжественное, победное “Осанна”. Это будет наш последний горячий привет.

— Осанна! Благословен грядый во имя Господне!

Церковь рыдала.

С такими же приближительно словами, еще до погребения, обращался Преосвященный Борис [Рукин] к огромнейшей массе молящихся с двух портиков собора. Его голос был слышен по всей ограде монастыря.

Это было огненное слово, которое растопило сердца и дало выход народному чувству. Легче стало на душе. Чувствовалась мощь православного русского сознания и единения и готовность служения Христу и Его Церкви.

Лес хоругвей двинулся к выходу.

За ним, по четыре человека в ряд, выходили священники; на открытой площадке перед собором стояли носилки, на которые будет поставлен гроб. Кругом стоял народ и около самых ступеней множество фотографов, направлявших свои аппараты на носилки.

Когда я подошел к ступеням и поднял глаза, то, с высоты площадки, увидел необыкновенное, грандиозное зрелище. Весь громадный двор монастыря был полон народом, стоявшим так тесно, как в многолюдном храме в Пасхальную заутреню. Свободны были только дорожки, по которым должна была двигаться погребальная процессия. Монастырские стены, башни, крыши домов, деревья и памятники — все было покрыто народом. Прямо против дверей собора, вдали возвышаются монастырские ворота. Сквозь большую арку видна уходящая в даль к трамваю улица Донского проезда; там стояла такая же густая толпа, как и во дворе монастыря. Принимая во внимание обширность монастырского двора (около 300 000 кв. аршин), можно смело говорить, что народа было около миллиона.

Медленно двигались мы по направлению к воротам и остановились при повороте в левую дорожку. Это довольно далеко от собора. Вдруг вся толпа притихла, как один человек. Шум и говор смолкли, кажется, слышно, как муха пролетит. Я оглянулся. На высокой площадке перед собором, на верхней ступени лестницы, стоял с поднятой рукой епископ Борис [Рукин] Можайский.

Все взоры обратились на него. “Молчите... епископ будет говорить”, — слышалось кругом.

И епископ заговорил. Это говорил “власть имущий”. Это говорил вождь, сознававший, что вся эта многотысячная толпа повинуетея его слову.

Одно мановение руки — и весь этот народ двинется, как одна громадная толпа, или застынет как каменное изваяние.

— Сейчас архипастыри вынесут гроб Святейшего Отца нашего Патриарха Тихона... Вы собрались отдать ему последний долг... Последний долг тому, кто так любил вас... Он любил вас всею силою своей великой души. Он жил для вас. Он душу свою полагал за вас, своих любимых духовных детей, — бросил епископ в толпу короткие, значительные фразы. Послышались рыдания. У мужчин на глазах навернулись слезы. — Покажите же и вы свою любовь к нему. Уже то, что вы собрались сюда, в таком громадном количестве, ясно говорит, что верующий народ любил своего православного Патриарха. Монастырь и все прилегающее к нему улицы и площади переполнены народом. Достаточно малейшего замешательства или крика, чтобы произошла катастрофа. Милиции нет. За порядком смотреть некому. Вся ответственность лежит на мне, — и Владыка поднял руку к груди.

— Покажите же до конца вашу любовь. Не омрачайте последних минут его пребывания среди нас. Никто ни с места! — властно и сильно говорил епископ, его голос в наступившей тишине был далеко слышен.

Из собора показалось шествие. Архипастыри в белых облачениях и золотых митрах несли гроб Святейшего Патриарха. Хор сестричества шел за ними. Пора-

жали бледные лица сестер-певчих, утомленных многочасовой службой. Пение хора слилось с перезвonom колоколов.

Гроб был поставлен на носилки. У дверей собора совершалась лития. Протодиакон Михайлов произнес последнюю “Вечную память”. При пении “Вечной памяти” святители подняли гроб, и процессия двинулась. Вся громада верующего народа запела “Вечную память”, и эти мощные звуки неслись далеко за стены монастыря, но никто не сходил с места, пока процессия не обошла вокруг собора и гроб Святейшего не был внесен в теплый собор.

Медленно двигалась процессия.

“Помощник и покровитель”, — слышалось пение. Сам народ устроил цепь. Ни толкотни, ни давки. Кому-то сделалось дурно, но народ остался на месте, и только быстро по цепи передавалось известие в санитарный пункт. Медицинский отряд тотчас же прибыл для оказания помощи. С прямой дорожки процессия свернула налево, прошла мимо монастырского корпуса к теплому собору, обогнула его направо, прошла по кладбищу мимо обоих соборов, вышла на дорогу к Донской улице и храму-башне над воротами, к келье Святейшего, с которой так много связано воспоминаний. Два года находился здесь Святейший Патриарх всея России, здесь он продолжал жить и после освобождения. Много народа, всякого чина и возраста, видела эта тесная келья над воротами.

Лития. Святейший как бы прощался со своей кельей, где столько им было пережито: где он был одиноким узником, где он был Патриархом всея России, где он расточал любовь и ласку на всю Русь Православную.

Отсюда процессия двинулась вновь к монастырскому корпусу, мимо большого собора. На дорожке у теплого собора вся процессия остановилась. Хоругви от дверей собора выстроились по обеим сторонам дорожки, дальше, в таком же порядке, стояли священники. Митрофорные протоиереи, архимандриты и епископы следовали в собор. Архиереи несли открытый гроб, иподиаконы несли высокий патриарший крест, посох, рипиды, дикирий и трикирий; два архимандрита несли белый патриарший куколь.

За гробом следовал митрополит Петр [Полянский].

В темные раскрытые двери вошли архипастыри, и двери за гробом затворились. Все утихло. В молчании стоял крестный ход перед закрытыми дверями храма. Там происходила лития. Но вот раздалось пение: “Вечная память” — это гроб Святейшего Патриарха Тихона опускали в могилу. Печальный перезвон колоколов точно плакал над раскрытой могилой Святейшего.

Вскоре возвратились архипастыри с торжественным пением тропаря праздника “Общее воскресение”. Был восьмой час вечера. Народ стал расходиться. Разоблачившись, потянулось к выходу духовенство. Архипастыри отправились в патриаршую келью Святейшего, дабы исполнить его последнюю волю. Народ толпами стоял у кельи и долго еще в наступившей темноте раздавалось пение: “Вечная память”. В стену над могилой вделан большой дубовый крест, с надписью по-славянски: “Тихон, Святейший Патриарх Московский и всея России”.